

Большухин Ю. Расстройство компенсации // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 24 января. № 17111. С. 8.

Расстройство компенсации

Воображению автора этих строк рисуется кое-что из тех сокровищ творческой и критической мысли, кои (сокровища) будут (и уже суть) рассыпаны на страницах здешней и тамошней повременной и вне временной печати по поводу чеховской годовщины. Позвольте поделиться.

«...Чехов (будет сказано в критически-воспоминательной статье многоуважаемого сотрудника консервативного эмигрантского журнала) по своему происхождению принадлежал не к высшим слоям русского общества, и когда помнится, это было на вилле «Мраморная» в 1888 году, мой однокашник гр. Сочин-Перепелятников отнесся ко мне с вопросом, «не знаю ли я, кто автор забавного рассказа «Новогодние недокучники», помещенного в одном журнале», я сослался на свое незнание. Тем не менее, однако, вышеупомянутый Чехов, будучи разночинцем, сумел с достоинством рвением подлизаться на ниве изящной словесности, за что бывал неоднократно поощряем теми, кому такое поощрение приличествовало. Увы, с развалом, причиненным Российской империи «кухаркинскими детьми» и вдохновлявшими онных инородческими и неправославными элементами (хе-хе) Чехов исчез с горизонта. Ходили одно время слухи, что он (Чехов, а не горизонт) был расстрелян чехой в гор. Нахичевани».

«...Вряд ли найдутся основания утверждать, что Чехов был коренным образом чужд тем прогрессивным концепциям, которые нашли свое выражение в классическом марксизме, так прискорбно искаженном группой Н. Ленина, воздвигнувшего гонение на социалистов конструктивного типа. Но, как говорит Вернер ф. Штейнлиц (История одной догмы т. 10 стр. 1167-8) с ростом обеспеченности производящих слоев населения, возрастает и тенденция к свертыванию тоталитарного аппарата». Объективный анализ в свете строго научного мышления дает достаточный повод утверждать, что чеховские слова о «небе в алмазах» найдут

свое осуществление своевременно или несколько позже». Так откликнется зарубежный социалистический орган, блюдущий традиции и хранящий идеологический порох в возможной сухости.

А зарубежный критик вдохновенно-разудалого направления выскажется приблизительно так:

«В нем не было ничего от мизантропии Серебряного Века. Экстатичности. — Мазстатичности. Надмирности. Был — Чехов. Антон. Павлович. Горьковатое, как будни, простое имя. Чехов любил носить пенсне. Пенсне висело на черной тесьме, и он писал свои маленькие шедевры, как врач, прописывающий антипирин и аква дистиллята. Была — сумеречность и некое провидение с ударением на первом «и». У Блока это ударение было выражено ярче. Но и Чехов был рыцарь. Прекрасной Дамы. Может быть, не Рыцарь, только — Паж. Он улыбался устало, доктор Чехов А. П. «Послушайте, милостидарь...» Раз в «Бродячей Собаке» мы сидели с Валей Брюсовым и Колей Гумилевым, за рюмкой Кул де Мюрвиля и лениво перебрались гениальными и фразами. Помнится, кто то из мелких, не то Сережа Городецкий, не то Пероша Ясинский откровенно залюбовался моим умением носить пиджак. И брюки. В полосу. «Россия» — сказал я. «Ничего», как бы нехотя прошептал Брюсов. «Все пройдет, мы с вами — останемся». Как он был прав, думаю я теперь, небрежно набрасывая свой эссе переклассным стилем на велевую бумагу (без примеси древесной массы). Чеховы, Пастернаки... Я иронически закуриваю свою дорогую папиросу и говорю сумеркам что то по французски...»

И еще удивит меня толстый номер журнала «Советский Театр» с напечатанным либретто возможной оперы Хренникова «Чехов». Рабочий кружок, занимающийся под видом самообразования — выковыванием пролетарского самосознания. Пожилой рабочий с усами и в оловянных очках. Митрич. Молодой рабочий парнишка Ваня Свечкин. Девушка Мараша. Несколько рабочих втихо-

молку поют «Дубинушку». Ваня Свечкин (лирический тенор) начинает речитатив:

— Эх, тяжёлый путь наш, братья дорогие! В сумерках живем, все ждем — пождем рассвета, да нет его. Насела — навалилась на грудь рабочую хозяйская нога.

Митрич: (бассо кантате) Ну полно, Ваня, ободрись, веселей гляди! Не все Дубинушку тянуть мы будем, ан глянь, затянем что иное... (В оркестре появляется тема «Марсельезы») Только надо выковырять сознание...

Мараша (лирическое сопрано)

Верно, Митрич! (В группе рабочих оживление. Некоторые переходят с места на место, передвигаясь ближе к рампе). Чего там, в самом деле! Сейчас, вот к нам придут товарищи, которые научат нас сплоченно и великой науке классовой борьбы.

Хор рабочих: На них у нас надежда... надежда... и любовь великая...

Мараша: Да вот же и они! (Появляется Ленин и Крупская. Всеобщее движение. Деревянные инструменты заводят «Интернационал», который и, проходя в скрипках, обрывается грозным форте меди и барабаном).

Хор: Милости просим! Давно ждали вас. Заждались вас! Сюда, сюда! Теснее сдвиньтесь все и плотно окружите гостей драгих.

Митрич: Ты Ваня стой на страже, чтоб не нагнула охранка...

Ленин: (драматический тенор) Товарищи! Кто грамотен, прочтите непременно рассказ предстанный Чехова писателя о мальчишке крестьянском, что из ведал печальнейшую долю в учении у сапожника. Письмо он деду написал в тоске великой, а на концерте надписал такой наинный адрес: «На деревню де душе». С тем мальчишкой рабочее движение схожим не должно быть! Нет, нет!

Все: Нет-нет-нет-нет!

Ленин: Охотников есть много среди так называемых социалистов ложных: рабочим адреса такие указывать. Есть адрес верный, точный: в ряды рабочей партии большевиков. **Крупская:** (контральто) Она

нилась. «Чехов был сравнительно художник», говорил Толстой после смерти Чехова. «Да, да... Именно несравненный... Художник жизни». «Чехов незаменим».

Толстой судил не с высоты своего величия (которое у него действительно было, есть и навсегда останется), а — просто: мерил мерою своей писательской совести и художнического разума.

И вот нынче, когда никто не осмеливается сказать о Чехове иначе как с восхищением и преклонением, — история повторяется в новом варианте: судят о Пастернаке порою совсем так, как некогда судили о Чехове. Одни негодуют, что

Такой оперы, кажется, нет, но можно думать, что рано или поздно она все таки появится. Пусть уж лучше поздно...

И — уже «в историческом аспекте» не мешает напомнить несколько оценок Чехова современной ему критикой. Сие очень поучительно и для сегодняшних критиков, и для читающей публики.

Знаменитый в свое время критик Михайловский писал так:

«Не знаю зрелища печальнее, чем этот даром пропадающий талант... Он пописывает, а читатель его почитывает. Г-н Чехов и сам не живет в своих произведениях, а так себе гуляет мимо жизни».

Не менее знаменитый Смабичевский: (о чеховских рассказах):

«Это не цельные произведения, а ряд бессвязных очерков, нанизанных на живую нитку фабулы рассказа... Автор весь отдается мимолетным впечатлениям, спеша поскорее выразить их в нескольких стах газетных строчек».

Довольно influential А. И. Богданович:

«Он напоминает близорукого художника, который не может охватить всей картины, и потому центра в ней нет, перспектива не верна... Картины не складываются в одно стройное целое, которое художник осмыслил бы идеей...»

Критик Перцов:

«Если писатель сам не знает, «левая, правая где сторона», что бело и что черно, то это отсутствие понимания смысла явления отразится и на произведениях».

Некто Качерев незадолго до смерти Чехова так развенчивал его:

«Добрая половина Пестрых Рассказов такова, что прямо руками разводишь, — какая это, извините — выражение, чушь и при том тяжелая, лишенная всякого проблеска таланта, чушь... Пусть он присмотрится поближе к людям и к жизни, пусть он подумает».

В статье А. Измайлова, помещенной в 22 томе сочинений А. П. Чехова в известном издании А. Ф. Маркса, откуда заимствованы приведенные выдержки, вкратце упоминается и о ряде других оценок Чехова его современниками.

«Оболенский предписывал а л ему выводить в пьесах «положительных земцев», «основателей воскресной школы», или просто «идеальных деятелей» для противовеса».

Шулятиков-хотел, чтобы он рисовал борьбу пролетария за свободу. «Он прошел мимо общественного и экономического строя современной России».

Струве, как и десятки других карали его за «безотрадный пессимизм».

Иванов карал его за всегдешнее его «весьма завидное состояние духа».

Бичи и скорпионы, которых удостаивался Чехов прижизненно доставались ему даже и посмертно. Некто Берг выразился так:

«Каким характерным признаком давления гипноза уличных газет является беснование у гроба Чехова! Теперь посредством еврейской и либеральной «прессы» можно раздуть что угодно. Автор самых средних способностей возвеличен, как гений, прославлен на всю Россию».

Да что говорить о критиках, если сам Толстой не вдруг дошел до верной оценки Чехова. А. А. Измайлов вспоминал:

«Я прочел один из его рассказов в каком-то календарике, — сказал Л. Н. когда-то. — Он живо написан. Но таких рассказов можно написать тысячу, и тогда даже трудно судить о степени таланта автора. А ведь он написал только десятки, вероятно».

Но прошло время. Толстой прочел уже не один рассказ Чехова, а многие его произведения, и мнение взыскательного читателя — Толстого изме-

Пастернак пишет в стихах и прозе «тяжелую чушь, без проблеска таланта». Другие требуют чтобы он выводил «идеальных деятелей для противовеса». Третьи находят, что «с помощью еврейской и либеральной прессы можно раздуть что угодно». В общем, употребив замесловатый медицинский термин, которым озаглавлен один неоконченный чеховский рассказ, можно сказать, что происходит «расстройство компенсации».

А можно ли, начав толковать о Чехове, съехать на толки о Пастернаке? Представьте себе, можно и даже очень нужно.

Юр. Большухин